

doi:10.17746/1563-0102.2021.49.3.101-111
УДК 392.8

А.А. Михайлова

Российский этнографический музей
ул. Инженерная, 4/1, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: alena-muzej@yandex.ru

С сербской ярмарки в Русский музей: об этнографической информативности коллекции пряников 1902 г.

Статья посвящена изучению коллекции фигурных сербских пряников из собрания Российского этнографического музея. Одна из основных задач исследования – поиск ответа на вопрос о значении этих изделий как культурного феномена. В работе приводятся сведения об истории появления коллекции, ее месте в собрании музея. Содержание коллекции анализируется методом его сопоставления с данными этнографической литературы и известными по другим источникам архаическими формами подобных объектов. Прослеживается связь между древней традицией изготовления обрядового хлеба у земледельческих народов и пряничничеством как товарно-ремесленным явлением. В рамках музееведческого и историко-культурного дискурса с позиций культурно-антропологического подхода ставится вопрос о том, насколько замена разрушенных оригиналов гипсовыми моделями позволяет сохранить информационный потенциал и этнографическую ценность коллекции. Особое внимание уделяется проблеме интерпретации культурного наследия в контексте утверждения национальной идентичности в молодых балканских странах – Словении, Хорватии и Сербии. В качестве дискуссионного поднимается вопрос о том, может ли продукция ремесла, распространенного одновременно у нескольких народов, выполнять этнически маркирующую функцию, а также затрагивается остро встающая перед всеми этнографическими музеями в условиях глобализирующегося мира проблема перспектив комплектования музейных фондов предметами, отражающими современный этап развития народной культуры. Сделаны выводы о глубокой символичности этнографического наследия конца XIX – начала XX в. в этнических реалиях XXI в. и о его компонентно-образующей роли в процессе утверждения новых национальных идентичностей.

Ключевые слова: экспонат, ремесло, идентичность, муляж, ярмарка, Балканы, традиция.

A.A. Mikhaylova

Russian Museum of Ethnography,
Inzhenernaya 4/1, St. Petersburg, 191186, Russia
E-mail: alena-muzej@yandex.ru

From the Serbian Fair to the Russian Museum: On the Ethnographic Relevance of the Gingerbread Collection from 1902

Serbian figured gingerbreads owned by the Russian Museum of Ethnography are described, the history of the collection is provided, and its cultural meaning is evaluated. Ethnographic parallels are analyzed, and archaic examples are cited. The custom of baking gingerbread results from the commercialization of the agricultural tradition of baking ritual bread. In terms of cultural anthropology, the question may be raised whether the replacement of destroyed originals by plaster replicas preserves the information potential and ethnographic value of the collection. Its interpretation is relevant to national identity in new Balkan nations such as Slovenia, Croatia, and Serbia. Another problem is if and how a craft shared by several peoples can be an ethnic marker. In terms of ethnographic museology in the globalizing world, the prospects of acquiring recent collections are discussed. The role of such collections in constructing new national identities may be considerable.

Keywords: Exhibit, craft, identity, replica, fair, Balkans, tradition.

Введение

Музейные предметы несут много посланий потомкам о накопленном человечеством опыте, различных гранях и оттенках жизни в прошлом. Каждый предмет предстает как отдельный исторический нарратив. Однако его содержание не всегда очевидно. Это обстоятельство составляет главную интригу в процессе осмысления музейных памятников и вынуждает прибегать к поиску методов, раскрывающих их информационный потенциал и ценностное наполнение в контексте такого феномена, как культурное наследие.

В хранилищах Российского этнографического музея (РЭМ) собрано более 700 тыс. памятников – неодушевленных свидетелей исторических эпох и человеческих судеб. Они являются результатом чьих-то мыслей, знаний, навыков, коллективных и личностных мировоззренческих устоев. Однако в сложившейся экспозиционной практике многоаспектность информационного потенциала предметов и коллекций зачастую теряется на фоне их многообразия и тематико-дискриптивной ангажированности. Детальное изучение музейных памятников научными методами дает возможность выявить информационную и культурную ценность этих объектов. Именно поэтому ярмарочные пряники, составившие в начале XX в. самую первую в собрании РЭМ коллекцию по сербской традиционной культуре, целесообразно представить в специальном исследовании.

Цель данной статьи – рассмотреть коллекцию сербских ярмарочных пряников с точки зрения ее информативности, музейной и культурной ценности. В этой связи особо важно обратиться к истории формирования коллекции, ее судьбе в стенах музея, этнографическим сведениям о бытовании подобных предметов в культуре в прошлом и настоящем, а также провести анализ современных тенденций интерпретации музейного наследия в контексте геополитических сдвигов и стремления этнических сообществ использовать его в качестве инструмента актуализации своей идентичности. Данная проблематика локализуется в рамках этномузеологического и источниковедческого дискурса и опирается на комплексный анализ коллекции, в ходе которого используются, в частности, культурно-антропологический, структурно-семиотический, функциональный, сравнительно-типологический и другие подходы. Источниковую базу исследования составили предметы коллекции, учетная документация музея, ранние протоколы заседаний музейного совета и другие архивные документы. В целом, выбранная стратегия позволяет раскрыть многогранную природу этнографических предметов, определить их место в музейном собрании и протянуть своеобразную логическую нить из прошлого в настоящее, актуализируя в нем свидетельства давно ушедшей эпохи.

Проблема материала и сохранности памятников

Важнейшим рычагом актуализации наследия в музейной практике является интерпретация артефактов. Она имеет принципиальное значение в случаях, когда памятники утратили свою экспозиционную аттрактивность, но продолжают выполнять функцию зафиксированных этнографических фактов. Проблема заключается в том, что даже специализированное хранение не всегда позволяет уберечь предметы от руйнирования. Со временем они разрушаются и уносят с собой многое из того, о чем могли бы рассказать потомкам. Музеи реагируют на этот процесс изготовлением муляжей и реплик, которые не фиксируют всех характеристик оригиналов, а лишь условно передают данные об их внешних признаках. В связи с этим научное освещение информационного потенциала хрупких предметов из недолговечных материалов представляется особо важной задачей.

Этнографическая специализация музея уже на раннем этапе формирования его собрания располагала к появлению в нем предметов из быстро разрушающихся материалов, в частности, образцов обрядовой пищи – караваев, пряников, сладостей и др. Необратимые органические процессы приводили к утрате оригиналов, поэтому сложилась практика их замены гипсовыми моделями. Она коснулась и первой коллекции по традиционной культуре сербов – 30 фигурных пряников, привезенных в музей, когда он еще имел статус Этнографического отдела (ЭО) Русского музея Императора Александра III.

В 1902 г. эти яркие красочные разнообразные по форме и декору изделия, атрибут сербской ярмарки «вашара», приобрел в Белграде первый заведующий ЭО выдающийся этнограф Д.А. Клеменц (1848–1914). В результате биохимических процессов уже к 1935 г. было утрачено несколько пряников, в 1955 г. они были исключены из учетной документации (РЭМ, колл. № 217-1, 3, 4, 10, 24, 29). Предвидя судьбу остальных изделий, музейные специалисты пришли к выводу о необходимости создания идентичных по форме, размерам и цвету моделей из гипса (это решение распространялось не только на сербскую коллекцию, но и на аналогичные памятники культуры других народов – русских, белорусов, украинцев и пр.) [Смусин, 1974, с. 158]. Модели были изготовлены в музейной мастерской и получили номера оригиналов, что на практике означало санкционированную подмену подлинников. Однако время оказалось беспощадным и к гипсу: многие модели раскололись и лишились красочного слоя, что сделало их малопригодными к экспонированию. Тем не менее это не привело к окончательной утрате информации о подлинниках. Сведения о содержании коллекции

сохранились в описи, составленной П.П. Славниным (1878–1957) в январе 1903 г.

П.П. Славнин приехал в Санкт-Петербург в 1902 г. после окончания Тобольской духовной семинарии [Иогансен, 1962]. В столице будущий томский краевед и этнограф стал вольнослушателем Императорского университета и Археологического института. В ЭО Русского музея он подрабатывал регистратором и был одним из тех, кому довелось держать в своих руках нарядные сербские пряники в их первоизданном виде. В коллекционной описи он кратко зафиксировал их внешние признаки – цвет, форму, особенности декора, но не привел никаких сведений об их бытовании в сербской традиционной культуре. В те годы музей интенсивно комплектовал фонды и ввиду спешки и нехватки регистраторов многие памятники описывались формально. К тому же опыта описания подобных предметов не имелось – сербские пряники были первым массовым поступлением подобных изделий в фонд. Однако теперь, спустя более века, именно опись позволяет реконструировать облик утраченных подлинников и продолжать считать их неотъемлемой частью собрания (РЭМ, опись № 217).

Оказавшиеся в музейных коллекциях обыденные предметы обретают смысловую ценность и мемориализуются как феномены культуры. Современные музеологи признают, что материальная сторона музейного предмета не является его единственным и ключевым компонентом (см., напр.: [Суворов, 2017, с. 76]). Предмет приносит в музей важную информацию о себе как о компоненте культуры, обогащая тем самым информационный капитал собрания. В рамках этнографического собирания важнейшей функцией каждого памятника является создание портретного штриха к общему образу культуры отдельно взятого этноса. Собрание вещей, таким образом, формирует своего рода досье на этническое сообщество, характеризует его вещевой код. Следовательно, сам факт включения коллекции пряников в собрание позволяет говорить о том, что этот атрибут традиционной культуры сербов был важен для ее более насыщенной репрезентации в музейном пространстве.

В этой связи встает вопрос о роли и месте гипсовых моделей в истории этой коллекции. Представления о «неэталонном» облике «пострадавших» артефактов дают возможность рассматривать муляжи как материальное перевоплощение оригиналов, часть их биографии [Леонов, Грусман, 2019, с. 67]. Вместе с тем эти слепки можно считать отдельным нарративом, рассказывающим об определенном этапе в работе самого музея. При этом, сохраняя смысловую связь с подлинниками, они продолжают выполнять функцию условного источника информации. Соотнесение данных учетной документации музея о коллекции со сведениями, представленными в этнографической ли-

тературе, а также с подобными предметами других собраний и современным состоянием традиции помогает реконструировать многие историко-семантические аспекты ярмарочных пряников в сербской культуре, а их научное освещение дает возможность представить публике неэкспонируемую часть собрания РЭМ [Мыльников, 1987].

Благодаря муляжам коллекция на некоторое время продлила свою визуальную функциональность. Однако ее этномаркирующая функция с точки зрения источниковедения оказалась под сомнением. При рассмотрении пряников в качестве трехмерных источников информации принципиально важным становится вопрос о соотношении подлинника и реплики при их распознавании как исторических документов [Андреева, 2017, с. 13]. Расхождения обнаруживаются прежде всего в материале и обстоятельствах изготовления этих объектов. Замещение теста гипсом означает смену носителя информации, она не только повлекла за собой утрату первоначального «текста», но и спровоцировала появление атрибутов, не имеющих с подлинниками общих черт. Примерно повторяя размеры и контуры оригиналов, модели не совпадали с ними по массе. Разница в материале обуславливала иные текстуру, вкус, цвет, запах и другие характеристики, определявшие морфологию и семантику предметов [Балаш, 2015, с. 42; Байбурин, 1981]. Гипсовый образец не позволяет установить, был ли пряник мятным или румяным, не вызывает визуально-вкусовые переживания, которые возникают у человека при взгляде на съедобный предмет. С культурно-антропологических позиций восприятие органами чувств свойств обозреваемых предметов представляется важным. Таким образом, замена материала приводит к утрате целого блока первоначальной информации, которая позволяет характеризовать эти предметы как культурный феномен.

Вопрос о материале вещей в контексте музейной репрезентации этнической культуры имеет принципиальное значение [Руденко, 2017, с. 21]. Эталонными для этнографического музея являются предметы, изготовленные в натуральном хозяйстве, из природных материалов и в традиционных техниках. Исследователи отмечают, что материал задает грамматику вещи: любая придуманная человеком технология изготовления, как и способы декора, определяется его природой [Баранов, 2016, с. 36]. Так, технология изготовления гипсовых моделей не предусматривает высокотемпературных термических процессов, поэтому их текстура отличается от печеного теста отсутствием внутреннего воздуха. Она также не передает легкость и утонченность сахарных узоров. Теряются и семантические свойства предметов: народные представления о магических свойствах хлеба, меда, теста неприменимы к муляжам.

Разное рецептурно-технологическое происхождение предметов порождает и другие различия. При формовке гипсовой массы не используются кинетические коды, связанные с мускульной памятью передававшегося в традиционной культуре от поколения к поколению навыка. Мотивация создания гипсовых моделей также не обусловлена определенными функциями в жизни этнического сообщества. Она определяется необходимостью визуально-символической демонстрации объекта в ознакомительных целях. Все это в конечном счете сказывается на штрихах, ритмике, пластике предметов и расстановке творческих акцентов в их изобразительных деталях. Как бы это ни было очевидно, следует отметить и то, что в сербской традиционной культуре второй половины XIX – начала XX в. не имели хождения изделия из окрашенного гипса, внешне напоминающие ярмарочные пряники.

Тезис о том, что под оболочкой вещи скрывается бытие идей, позволяет считать подлинники и реплики олицетворением совершенно разных по своей природе смыслов [Никонова, 2006, с. 11]. Гипсовые модели уже не несут в себе ту внутреннюю мысль, которая была принципиально важна для попадания вещи в этнографический музей. Они стали частью совсем другой культурной истории. Однако, несмотря на все утраты и искажения, именно благодаря своевременным изготовленным моделям, сегодня можно получить представление об образах, характерных для белградской пряничной традиции конца XIX – начала XX в.

История и содержание коллекции

Сохранение различных образцов архаических форм традиционной культуры в условиях модернизирующегося мира было одной из приоритетных задач молодого музея. Его руководитель Д.А. Клеменц уделял особое внимание концептуальной стороне вопроса о комплектовании фондов. Он, в частности, считал, что музейное собрание должно отражать этнографию не только народов Российской империи, но и «всех славянских племен, независимо от политических границ» [Дубов, 1998, с. 116]. Особый акцент был сделан на этнографии Балканского п-ова, таким образом подчеркивалось существование крепких связей и культурного родства между населяющими его народами и славянами Российской империи [Макаренко, 1917, с. 19]. Такой подход отвечал актуальному политическому моменту: Россия в общем свете славянофильских настроений выступала в роли покровительницы славян Габсбургской и Османской империй, а также молодых балканских стран.

Особенно тесные исторические связи сложились у России с Сербией. Обретя в последней тре-

ти XIX в. свою государственную независимость, Сербия стремилась зарекомендовать себя на международной арене, в т.ч. через репрезентацию традиционной культуры. В частности, на Первой международной выставке исторических и современных костюмов, открывшейся в ноябре 1902 г. в Таврическом дворце, коллекции сербской традиционной одежды лично представляли сербские королевы Наталья и Драга Обренович [Каэль, 1902, с. 5]. Активнейшее участие в подготовке к выставке от сербской стороны принимал заведующий белградским Этнографическим музеем С. Троянович (1862–1935) [Менковић, 2002, с. 169]. Возможно, именно в этот период между С. Трояновичем и Д.А. Клеменцем установился профессиональный контакт. Согласно архивным источникам, в феврале 1902 г. на заседании совета ЭО Д.А. Клеменц доложил, что сербский посланник и заведующий Белградским музеем С. Троянович предложил собрать для Русского музея коллекции по этнографии (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 25). Однако предложение не было принято из-за возражений члена музейного совета Е.А. Ляцкого, заявившего, что коллекционирование сербской этнографии для музея является «неспешной» задачей, а потому она может быть отложена.

Вопреки этой позиции этнография Сербии вскоре нашла себе место в петербургском музее. Летом 1902 г. Д.А. Клеменц посетил Этнографический музей в Белграде (Там же. Л. 59). Из этой поездки он и привез коллекцию фигурных пряников, которая положила начало собиранию музеем предметов по сербской традиционной культуре, численность которых к настоящему моменту достигает порядка 800 ед. [Михайлова А.А., 2013, с. 196]. Сегодня сербское собрание РЭМ довольно насыщенно и разнообразно по содержанию. Оно включает несколько десятков костюмных комплексов и отдельных предметов традиционной одежды, украшений, в т.ч. из серебра, образцы ткачества, вышивки, керамики, обрядовых предметов, домашней утвари и орудий труда. Многие представленные в нем предметы уникальны, не имеют аналогов в других музеях и вызывают устойчивый интерес у зарубежных специалистов [Нишкановић, 2005, с. 82]. Таким образом, основополагающая роль коллекции пряников, несмотря на утрату оригинального содержания, также является ее ценнейшим атрибутом, поскольку именно с нее началось собирание наследия, имеющего мировое значение.

Описания, сделанные П.П. Славниным, свидетельствуют о том, что пряники были покрыты разноцветной глазурью, украшены бумажными картинками, сахарными узорами, посыпаны миндалем. По художественному оформлению, для которого характерны стройность линий, яркость красок, технологичное нанесение декора, они отличались от российских пря-

ничных изделий. Однако образы фигурок тематически были похожи на те, которые встречались у других народов Евразии, это подтверждается пряничными коллекциями других музеев [Шкаровская, 1988, с. 255; Ганцкая, 1972, с. 257]. Например, среди привезенных из Белграда пряников были стилизованные фигурки женщин, мужчин и детей, коней, льва, розеток и сердец. Подобные антропо- и зооморфные, а также розетковидные мотивы пряничных изделий и форм для их изготовления обнаруживаются в восточнославянских, прибалтийских и дальневосточных коллекциях РЭМ XX в. (напр., колл. № 524 (белорусы), 625 (украинцы), 1264 (русские)). Пряники в форме сердца встречаются в чешской (колл. № 8542), польской (колл. № 8541), литовской (колл. № 8291) и венгерской (колл. № 8543) коллекциях*. Иными словами, по форме представленные в сербской коллекции пряники были вполне типичны для подобного рода изделий, бытовавших в культуре других народов, в то время как декор и технологии изготовления имели региональные отличия.

Специфика образов и декора пряников выдержана в традициях широко распространенного в те годы в восточной части Австро-Венгрии лицидерского (или лицитарского) ремесла. Слово «лицидер» в сербском языке произошло от австрийского «lebzelter» – «пряничник». Оно имеет корни в латинском «libum» – «жертвенный хлеб». Феномен обрядового хлеба в тех или иных формах существовал в традиционной культуре всех земледельческих народов Евразии. Это позволяет предполагать, что пряничная традиция у балканских славян имела обрядово-ритуальную природу [Андрејић, 1977]. Например, у сербов фигурный обрядовый хлеб – лепешки в форме домашнего скота, хозяйственных объектов и соляных символов – выпекали на Рождество и дарили колядующим [Костић, 1971, с. 76]. Однако вопрос о том, носило ли лицидерское ремесло замещающий более старые локальные традиции характер, остается открытым.

Основу лицидерского ремесла составляла переработка продуктов пчеловодства, из которых изготавливали восковые свечи, вотивы (заветные фигурки в виде частей тела, самого человека или домашнего скота), медовуху, пряники на меду и другие сладости [Belančić, 2016, S. 53]. Пряники на меду были известны балканским славянам и до появления этого ре-

месла. Их семантические функции ассоциировались с приписываемыми меду магическими свойствами, в т.ч. с любовной магией, символикой бессмертия, плодородия, божественного начала и т.д. [Валенцова, 1995]. Однако как ремесленный продукт с конкретной рецептурой и узнаваемым товарным видом пряники получили распространение благодаря австрийским и немецким лицидерам. В качестве одного из очагов распространения пряничного дела называют Штирию [Biškupić-Bašić, 2002, S. 120]. С развитием торговых отношений в Юго-Восточной Европе в XVIII в. эти изделия органично вошли в ярмарочную культуру Паннонии. В архивах сохранились наглядные свидетельства о том, как лицидерское ремесло проникло в Воеводину – на прилегавшую к Сербии австрийскую территорию со смешанным населением, в т.ч. сербским. В частности, в одном из документов сообщается, что 17 апреля 1769 г. в г. Суботице появился лицидер Михаэль Шмидт, получивший от города «разрешение на поселение и шестилетнее освобождение от налогов и других платежей, а также гарантии того, что другим приезжим будет запрещена продажа такой же продукции на местном рынке и в его окрестностях» [Улмер, 1995, с. 156]. Австрийские сербы довольно быстро освоили технологию производства и декорирования медовых пряников и со второй половины XVIII в. стали продавать их в небольших шатрах на городских и сельских ярмарках, а также в монастырях по заветным праздникам [Гавриловић, 1984, с. 80].

В XIX в. лицидеры сербского происхождения появились и в самой Сербии. Их профессиональная терминология состояла из искаженной немецкой лексики, что подчеркивало пришлый характер ремесла. Формы для пряников и инструменты сербские мастера приобретали в крупных городах Австрии, чем объясняется и повторяемость воспроизводимых по всему региону видов фигурок. Таким образом, можно заключить, что для сербской народной культуры лицидерские изделия были скорее признаком ее модернизации и европеизации, чем символом архаики. В то же время они довольно быстро стали ее органичным компонентом.

Во второй половине XIX в. пряничное ремесло переживало свой расцвет во многих уголках Европы. Именно в этот период зародился феномен коллекционирования пряничных досок, металлических форм и самих изделий. В рамках этнографического коллекционирования эти предметы представляли собой ценность не только как атрибуты крестьянского праздника, но и как разновидность народного искусства [Галуева, 2003, с. 35]. Приобретая для музея целую коллекцию пряников, Д.А. Клеменц считал их достаточно репрезентативным атрибутом сербской этничности, а музейный совет – соответствующей профиллю и назначению собрания.

*В собрание РЭМ в XX в. поступили более 2,5 тыс. пряников, три четверти из них – в составе знаменитой коллекции Н.Д. Виноградова. Подавляющая часть предметов представляет пряничную традицию русских, пятая часть – других народов – украинцев, белорусов, сербов, поляков, чехов, литовцев, латышей, евреев, узбеков, азербайджанцев, китайцев. Оригинальных предметов сохранилось крайне мало; одна их часть заменена гипсовыми моделями, другая – безвозвратно утрачена.

В Сербии такие пряники были любимой народной забавой и атрибутом праздника. Их продавали в основном на улицах с разносного лотка или в передвижной лавке. До начала XX в. лицидерами были только мужчины, а знания о ремесле держались в строгом секрете и наследовались от отца к сыну или передавались подмастерьям [Viškupić-Bašić, 2001, S. 195]. В Белграде в конце XIX в. проживало восемь мастеров-лицидеров [Марјановић, 2009, с. 73]. Возможно, один из них и был автором коллекции, привезенной в Санкт-Петербург.

В народной культуре XIX–XX вв. фигурные пряники чаще всего выступали в качестве подарка. Ими одаривали родственников, возлюбленных, друзей и детей, которым сладкий гостинец служил и лакомством, и игрушкой. Пряники брали с собой, собираясь в гости, привозили из поездки или дарили в знак внимания. Поводом для дарения могли быть и такие события, как Крестная слава, венчание, Святки и другие праздники [Шутић, 2008, с. 189]. Пряники служили ритуальной едой, если их раздавали на поминках за упокой души умершего [Трајковић, 2012, с. 23]. Возможность длительного хранения пряников делала их также удобным припасом.

Сведений об использовании продукции лицидерского ремесла в обрядовых практиках* не зафиксировано. Эти пряники не выпекали в домашнем хозяйстве. Их производство носило товарный характер, а занимавшиеся этим мастера подчинялись цеховым правилам, регламентировавшим порядок изготовления продукции и ее продажи. Для покупки пряников требовались свободные денежные средства, которых в крестьянском быту всегда не хватало. Такой товар, следовательно, приобретался по особому случаю и преподносился в дар в знак особого внимания. Таким образом, в конце XIX – в начале XX в. ярмарочные пряники служили инструментом коммуникации. И хотя само ремесло имело черты модернизации, использование его продукции в качестве дара функционально было связано с архаическими практиками, направленными на укрепление доброжелательных отношений между участниками коммуникации [Мосс, 2011, с. 165].

В этнографической литературе приводятся описания рецептуры и технологии изготовления подобных пряников. Тесто состояло из меда и муки, яиц, воды, поташа, разрыхлителя (бикарбонат аммония), а также пряностей – гвоздики, аниса, имбиря или перца [Марјановић, 2009, с. 74; Трајковић, 2012, с. 26;

Радуловачки, 2005, с. 314; Kašpar, 1980, s. 79]. Оно было довольно крутым, что позволяло придавать ему фигурный вид путем тиснения «калупами» – формами, вырезанными из яблоневого или грушевого дерева или отлитыми из глины (печатные пряники). Ближе к концу XIX в. пряничные доски вытеснили алюминиевые «штехеры», которыми тесто фигурно резали по одному шаблону (силуэтные пряники) [Šarić, 2013, s. 119]. Готовые изделия раскрашивались специальными кондитерскими красками красного, желтого, голубого, белого цвета и украшались сахарной пастой, искусно выдавливаемой тонким слоем на поверхность в виде розеток или «кружевного» бордюра. Компонентом декора могла быть также цветная бумага, из которой создавались различные аппликации.

В конце XIX – начале XX в. пряники стали украшать цветными печатными картинками на бумажной основе, которые усиливали художественный образ. Так, силуэт пряников антропоморфных форм был довольно условным – в нем различались лишь очертания головы и плеч, конечности часто сливались с телом в трапеции или овале. Для придания пряникам более выразительного вида на верхнюю часть наклеивали картинки с мужским или женским лицом, а нижнюю раскрашивали кондитерскими красками и украшали сахарным бордюром. Образ мужчины обычно передавался в барочном стиле – с длинными волосами и в шляпе, в нарядном пальто с меховым воротником и в полосатых штанах, а женский – в традиционной одежде – орнаментированной рубашке, безрукавке, переднике и головном уборе. Пряники в форме мужской фигуры дарили мужчинам, а в форме женской – женщинам. Девочкам дарили изделия в облике свертка с младенцем. На них наклеивались бумажные картинки с нарисованными детскими лицами в кружевных чепчиках. Мальчикам часто доставались пряники в форме коня, стоящего на траве, т.е. упирающегося ногами в прямоугольное подножие с флористическими узорами, с бумажными изображениями морды и седла. Широкое распространение имели также пряники с религиозной и династической символикой – ангелами, крестами, ликами святых. Их дарили людям, как правило, старшего поколения. Таким образом, важным атрибутом пряников как инструмента внутриклубтурной коммуникации была их половозрастная адресность и символичность, основанная на фольклоризации представлений о гендерно-социальной структуре общества и архаично-традиционной потребности акцентировать социальную идентичность членов сообщества в публичном пространстве.

Двух абсолютно одинаковых пряников не существовало, поскольку каждый из них украшался вручную. В некоторые вставлялся кусочек зеркала. С конца XIX в. такие пряники выполняли декоративную функ-

*По этнографическим материалам известно, что у русских было принято выпекать к определенным календарным праздникам обрядовое печенье – «козули» на Егорьев день или Семик, «лесенки» на Вознесение и др. [Пропп, 2000, с. 33–36].

цию. Однако в этнографической литературе встречаются сведения о том, что у южных славян существовала традиция украшения обрядового хлеба зеркалом для защиты от сглаза [Толстая, 1995]. Среди изделий лицидеров зеркальце чаще всего встречается в пряниках в виде сердца, которые преподносили в знак симпатии. Одаривая девушку, молодой человек имел в виду, что в зеркальце увидит свое отражение та, которой отдано его сердце. По другой традиции парень протягивал сердце с зеркальцем девушке из-за спины, чтобы она могла увидеть в нем отражение стоящего сзади нее «суженого». По мнению исследователей, традиция изготовления пряников в форме сердца пришла на Балканы в XVII в. из Северной Европы вместе с религиозными представлениями о сердце Христовом [Kus-Nikolajev, 1928, S. 135]. Так или иначе, но в наши дни пряники именно этой формы чаще всего встречаются на сербских ярмарках.

Анализ описания позволяет сделать вывод о том, что содержание коллекции практически совпадало с «классическим» ассортиментом пряников, продававшихся на сербских ярмарках в конце XIX – начале XX в. (рис. 1). Десять пряников имели форму стоящих на траве коней (РЭМ, колл. № 217-1–10). С учетом различий фигур по ориентации и положению конских ног можно предполагать, что для изготовления этих пряников использовались, как минимум, три разные

металлические формы силуэтного типа. «Кони» отличались друг от друга декором: «пряник в виде конька, верхняя часть покрыта красным слоем краски, убран белыми и желтыми узорами, на спинке приклеено бумажное фиолетовое седло, украшенное зигзагами и цветами»; «пряник-конек, покрыт тонкими узорами и украшен цветными бумажками в виде звездочки и двух кисточек» (РЭМ, опись № 217) и т.д. Один из пряников в виде фигуры льва был «покрыт желтой краской с красными черточками, изображающими гриву и хвост; от шеи спускаются бумажные цветные кисти» (РЭМ, колл. № 217-11).

В коллекции имелся всего один пряник, стилизованный под мужскую фигуру (РЭМ, колл. № 217-12). На дублирующей его гипсовой модели различимы очертания длинных буклированных волос и объемного воротника. Пряник был украшен тонкими сахарными узорами и цветными бумажками. В коллекции было шесть женских фигур (РЭМ, колл. № 217-13, 14, 16–19), для их изготовления использовались три разные формы. Одна из фигур, как и мужская, помимо головы и плеч не имела выраженных анатомических особенностей и внизу завершалась овалом. Гендерная символика пряника такой формы была условна и обозначалась картинкой с изображением женского лица. Два других образца имели более выраженные черты женской фигуры – в них просматривались талия,

Рис. 1. Гипсовые модели пряников в виде зоо- и антропоморфных фигур (1–3), а также с соляной символикой (4, 5) (РЭМ, колл. № 217-5, 12, 16, 20, 23). Фото О.В. Ганичева.

Рис. 2. Гипсовые модели пряников в виде сердец (РЭМ, колл. № 217-25, 26, 28). Фото О.В. Ганичева.

юбка, руки и ноги. Еще один пряник изображал младенца, на что указывала имевшаяся на нем картинка с детским лицом в чепчике.

Остальные пряники были изготовлены в форме окружности и сердец разной величины (рис. 2). Один из них П.П. Славнин описал как «пряник белый в виде розетки, украшенный по краям желтой краской с красными крапинками» (РЭМ, колл. № 217-20); еще три он назвал в описи «лепешками» (РЭМ, колл. № 217-21, 23 а, б). На поверхности заменивших их гипсовых моделей имеется декоративное теснение в виде концентрических кругов. По характеру формы и декора можно предположить, что прототипом таких изделий являлись рождественские хлебцы с соляной символикой. Незамысловатым по форме, но, по-видимому, с особыми вкусовыми достоинствами был «продолговатый пряник, сверху посыпанный миндалем» (РЭМ, колл. № 217-22). Семь пряников в форме сердца были украшены зеркальцами, декорированы цветной глазурью, сахарными узорами и аппликациями из цветной бумаги (РЭМ, колл. № 217-24–28). На одном прянике имелся портрет правившего в тот период сербского короля Александра Обреновича (1889–1903), еще на одном – картинка с изображением девы Марии с младенцем Иисусом (РЭМ, колл. № 217-24, 25). Портрет монарха на ярмарочном прянике символизировал независимость Сербии. Что касается образа девы Марии, то стоит отметить ее особое почитание католическим населением Славонии, откуда

лицидерское ремесло пришло в Сербию, но вместе с тем подчеркнуть органичную близость ее культа православным сербам.

При всей условности и схематичности обращает на себя внимание символичность представленных в коллекции образов. При рассмотрении проблемы этнической маркированности фигурных пряников как этнографических артефактов и их связи с западной культурой это качество представляется важным. Некоторые признаки указывают на соответствие символического содержания пряничных образов архетипам сербской традиционной культуры, при этом товарная ориентированность и технологический инструментарий производства обнаруживают себя как сугубо заимствованные компоненты.

Исследователи феномена бытования фигурок из теста в народной культуре стремятся отыскать в этих изделиях архаические смыслы, опираясь на фольклорное наследие и дохристианские верования [Галуева, 2003, с. 37]. Например, высказываются предположения о том, что в славянской мифологии фигура коня символизировала солнце

и по своей семантике была близка к образу льва – солнечному архетипу, побеждающему зло и мрак. Женская фигура могла изображать обожествленного мифического первопредка – Мать-сыру-землю (см., напр.: [Шкаровская, 1988, с. 243]). В земледельческих культурах, как считают все специалисты, обрядовые мучные фигурки чаще всего ассоциировались с магией плодородия [Пропп, 2000, с. 34]. Преподнесением в подарок девочкам пряников в облике младенца обозначалась перспектива продолжения ими рода. С. Маркович связывает происхождение мотива младенца в пряничной традиции с рождественскими мистериями и образом новорожденного Христа [Marković, 2011]. Религиозная тематика – образы ангелов, крестов и святых угодников – проникает в пряничную традицию приблизительно в XVIII в. [Scheybalová, 1974, s. 158]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что обрядовая природа фигурных пряников утратила свою первичность с их превращением в продукт ремесла и компонент ярмарочной культуры [Сергеева, 2014, с. 49]. Именно ярмарка как массовый товаро-потребительский феномен определила декоративный вид этих изделий и сделала их предметом особой эстетики в народной культуре. Несмотря на архаические корни пряничных образов, к концу XIX в. они уже не несли в себе глубинной семантики.

Пика популярности пряники югославских лицидеров достигли в период между двумя мировыми

войнами. В это время появились новые формы изделий, такие как автомобили, пистолеты, дамские сумочки, туфельки и т.д. Красочные пряничные фигурки стали изготавливать на веревочке и использовать в качестве елочных игрушек, шейных украшений или элементов домашнего декора. Во второй половине XX в. лицидерское ремесло постепенно пришло в упадок в связи с появлением других видов кондитерской продукции, ее массового фабричного производства [Трајковић, 2012, с. 28]. В настоящее время лицидеров в Сербии осталось мало. Они сохраняют свои мастерские, как правило, благодаря действующим программам по охране и возрождению старых ремесел [Стари занати...] и реализуют свою продукцию на вашарах и в сувенирных лавках [Михайлова А.А., 2015, с. 333]. Технология производства за последние 100 лет практически не изменилась, пряники по-прежнему делают вручную, но с применением более современных инструментов и более ярких пищевых красителей. Симптоматично, что исчезло многообразие форм. Доминирующим видом фигурного пряника стало сердце. Сегодня лицидерское сердце – не только излюбленный ярмарочный сувенир и лакомство, но и атрибут свадебного торжества: его нередко преподносят как подарок, символизирующий любовь и крепкий союз. При создании таких памятных изделий современные лицидеры добавляют в тесто песок и другие композиты, обеспечивающие ему длительное хранение. Таким образом, характерной чертой современности стало появление несъедобных изделий, выполняющих исключительно декоративную и символическую функцию, но сохраняющих традиционную форму.

Значение коллекции в контексте современности (вместо заключения)

Тенденция превращения наиболее ярких элементов предметно-вещевого кода доиндустриальной эпохи в сувениры и символы на постъюгославском пространстве распространена довольно широко. Воспроизведение хорошо узнаваемых образов прошлого, в т.ч. продукции старых ремесел, позволяет этнической культуре легитимизировать свою связь с предками и историей. Теоретически это явление можно отнести к активно изучаемому в последние десятилетия феномену этнокультурного неотрадиционализма, который представляет собой своего рода рефлексию этнической культуры на усиление процессов глобализации [Попков, Тюгашев, 2012]. Сопряженная с этим феноменом популяризация образов традиционной культуры, изъятых из первоначального культурного контекста, называется фольклоризацией, а возник-

ающие в ее результате объекты – фольклоризмами [Куриных, 2016, с. 252]. Побочным эффектом фольклоризации культурного наследия в XXI в. стало стремление отдельных этнических групп к брендированию его атрибутов в качестве символов своей идентичности, несмотря на транслокальный характер многих из них [Михайлова Н.Г., 2011, с. 266]. Так, в 2010 г. лицидерское ремесло при поддержке ЮНЕСКО получило статус нематериального культурного наследия Хорватии. На право считать данное ремесло своим национальным достоянием претендует также Словения. Ее министерство культуры в 2018 г. официально признало за страной этот статус [Nesnovna dediščina]. Такая конкуренция за культурное наследие среди молодых балканских стран связана с незавершенностью процесса конструирования ими своих национальных идентичностей. В этом процессе пробуждающие ностальгию атрибуты прошлого, близкие и понятные широкому слою населения, при отсутствии новых устойчивых символов становятся удобными инструментами идейной консолидации общества [Gavrilović, 2012, S. 48]. Еще одним фактором актуализации лицидерского ремесла как феномена национального значения является его западно-европейское происхождение. Балканским странам, стремящимся к экономической интеграции с европейской семьей государств, акцент на культурное родство с ней помогает аргументировать эти амбиции.

В свете описанных тенденций значение этнографических музейных коллекций как источника достоверных фактов о традициях тех или иных народов существенно возрастает. Вещественные памятники свидетельствуют об истоках культурных явлений, их локализации и исторической судьбе. Научный анализ наследия позволяет минимизировать риск внесения искажений в его современные интерпретации. В этом ключе тезис о том, что музейные артефакты представляют собой мост из прошлого в настоящее, обретает свою конкретику. В условиях глобализации этничность стремится к подтверждению своей историчности через объективированные формы, в связи с чем ее потребность в контакте с музейным наследием интенсифицируется. Этим же объясняется и тенденция к возрождению традиционных ремесел в фольклоризованном виде. Коллекция сербских пряников 1902 г., несмотря на утраты, позволяет сделать вывод о том, что в XIX – начале XX в. она репрезентовала единый культурный феномен, распространенный как в Сербии, так и на австрийских территориях, населенных хорватами, словенцами, сербами и другими народами. Наслоение модернизационных трендов на локальную архаику в этом регионе объяснялось стремительной фасадной вестернизацией [Михайлова А.А., 2016, с. 81]. В данном контексте маркирование этничности ремеслен-

ной традицией, общей одновременно для нескольких этнических групп, обрело дискуссионный характер. Вместе с тем трансэтничность рассмотренного явления не исключает его ценности для отдельных народов как традиции и наследия.

С момента появления в музее коллекции сербских пряников прошло более 100 лет. Можно говорить о том, что она зафиксировала определенный этап развития пряничной традиции, на котором ремесло, унифицировав основные технологические принципы и востребованные в народной культуре формы, превратило последние в узнаваемый товар. Это, в свою очередь, позволило традиции не раствориться под влиянием модернизации и с некоторыми изменениями продолжать свое существование в XX и XXI вв. Сербские коллекции РЭМ в последние 50 лет практически не пополнялись, что связано как с политическими факторами и ослаблением славянофильской риторики в целом, так и с периферийным по отношению к остальному собранию местом балканской этнографии в концептуальной основе музея. Однако они не теряют своего значения как источники для сравнительного изучения общеславянского культурного фонда и современных этнических процессов на Балканах. В этой связи актуализируется и другой полемичный в этномuzeологии вопрос – о целесообразности пополнения музейного фонда современными предметами – объектами-символами и фольклоризмами, участвующими в процессе конструирования новых идентичностей. Как показывает собирательская практика последнего столетия, принятие данной стратегии позволило бы не только пополнить балканские коллекции, но и зафиксировать трансформации этнического сознания в периоды кризисов и их преодоления.

Список литературы

- Андреева И.В.** Музейный предмет как документ: к истокам документивной концепции музееведения // *Вестн. культуры и искусств.* – 2017. – № 3 (51). – С. 7–15.
- Байбури А.К.** Семиотический статус вещей и мифология // *Материальная культура и мифология.* – Л.: Наука, 1981. – С. 215–226. – (Сб. МАЭ; т. 37).
- Балаш А.Н.** Подлинники и воспроизведения в музее: теоретическое осмысление проблемы аутентичности музейного предмета в музееологическом дискурсе последней четверти XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2015. – № 3 (53), ч. I. – С. 42–45.
- Баранов Д.А.** О чем молчат вещи? // *ЭО.* – 2016. – № 5. – С. 25–39.
- Валенцова М.М.** Мед // *Славянские древности.* – М.: Международ. отношения, 1995. – Т. 3. – С. 208–210.
- Галуева Е.С.** Пряник в свадебном обряде русских крестьян второй половины XIX – начала XX века // *Традиционная культура.* – 2003. – № 3. – С. 34–41.
- Ганцкая О.А.** Польские народные фигурные кондитерские изделия // *Из культурного наследия народов России.* – Л.: Наука, 1972. – С. 257–264. – (Сб. МАЭ; т. 28).
- Дубов И.В.** У истоков Российского этнографического музея // *ЭО.* – 1998. – № 6. – С. 112–121.
- Иоганзен Б.Г.** Памяти Порфирия Порфирьевича Славнина (1878–1957) // *Вопросы географии Сибири.* – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1962. – Т. 4. – С. 171–174.
- Казль.** На выставке костюмов // *Петербург. листок.* – 1902. – 26 нояб.
- Куриных П.А.** Проблемы фольклоризма в зарубежной историографии // *Научный диалог.* – 2016. – № 2 (50). – С. 250–260.
- Леонов И.В., Грусман Я.В.** «Страдающие артефакты» историко-культурного наследия // *Вестн. СПб. гос. ин-та культуры.* – 2019. – № 3 (40). – С. 61–67.
- Макаренко А.А.** Д.А. Клеменц в этнографическом отделе Русского музея императора Александра III: (1901–1909 гг.). – Иркутск: [Тип. Иркут. Т-ва печ. дела], 1917. – 40 с.
- Михайлова А.А.** Вклад А.З. Носова в формирование сербских коллекций РЭМ // *Этнографические коллекции в музеях: культурные стратегии и практики: мат-лы Двенадцатых СПб. этногр. чтений.* – СПб., 2013. – С. 196–202.
- Михайлова А.А.** Феномен вашара в контексте сербской идентичности // *Торговля в этнокультурном измерении: мат-лы Четырнадцатых СПб. этногр. чтений.* – СПб., 2015. – С. 331–336.
- Михайлова А.А.** Сербия начала XX в. в отражении этнографических источников: вещевых коллекций, фотоматериалов и документов из фондов Российского этнографического музея // *Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Сер. Балканика. № 9.* – Екатеринбург, 2016. – Вып. 3. – С. 69–83.
- Михайлова Н.Г.** Проблемы локально-этнической культурной идентичности и процессы глобализации // *Вопр. социальной теории.* – 2011. – Т. V. – С. 262–270.
- Мосс М.** *Общества. Обмен. Личность.* – М.: КДУ, 2011. – 416 с.
- Мыльников А.С.** Об этнокультурном источниковедении // *Проблемы общей этнографии и музеефикации.* – Л.: Наука, 1987. – С. 13–14.
- Никонова А.А.** Загадка музейного предмета // *Вестн. СПб. гос. ун-та. Сер. 6.* – 2006. – Вып. 1. – С. 11–18.
- Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.** Понятие этнокультурного неотрадиционализма: к методологии анализа // *Личность. Культура. Общество.* – 2012. – Т. XIV. – С. 187–193.
- Проп В.Я.** *Русские аграрные праздники.* – М.: Лабиринт, 2000. – 124 с.
- Руденко Н.И.** Пространство знания этнографического музея: стратегии, техники и репрезентации // *Антропологический форум.* – 2017. – № 33. – С. 10–36.
- Сергеева М.И.** Тверская пряничная традиция: вопросы изучения и реконструкции // *Вестн. славян. культур.* – 2014. – № 4 (34). – С. 44–52.
- Смусин Л.С.** Выставка «Русский пряник и фигурное печенье» // *СЭ.* – 1974. – № 4. – С. 158–162.

- Суворов Н.Н.** Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестн. СПб. гос. ин-та культуры. – 2017. – № 4 (33). – С. 76–81.
- Толстая С.М.** Зеркало // Славянские древности. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 2. – 323 с.
- Шкаровская Н.С.** Пекарское искусство. Обрядовые фигурки и декоративные пряники // Советское декоративное искусство. – 1988. – Вып. 5. – С. 238–258.
- Андрејић Љ.** Обредни колачи (хлебови) // Гласник Етнографског музеја у Београду. – Београд: Етнографски музеј, 1977. – Бр. 41. – С. 253–319.
- Belančić A.N.** Predavanje o licitarima... // Glas. – 2016. – Бр. 13. – С. 52–55.
- Вишковић-Вашић И.** Medičarsko-svjećarski obrt // Hrvatska tradicijska kultura na razmeđu svjetova i epoha. – Zagreb: Barbat, 2001. – С. 194–197.
- Вишковић-Вашић И.** Overview of gingerbread and wax crafts through the centuries // Narodna umjetnost: hrvatski časopis za etnologiju i folkloristiku. – 2002. – Vol. 39, N 1. – С. 115–130.
- Гавриловић Л.** Nepostojeće nasleđe zemlje koje nema // Oglеди o jugoslovenskom kulturnom nasleđu. Etnološka biblioteka. – Београд: Српски genealoшки центар, 2012. – Књ. 61. – С. 39–56.
- Гавриловић С.** Митровица трговиште у Срему XVIII–XIX (1716–1848). – Београд: САНУ, 1984. – 224 с. – (Посебна издања; књ. 558).
- Каšпар Л.** Najnovija ispitivanja licitarskog obrta u Varaždinu i bližoj okolini // Muzejski vjesnik: Glasilo muzeja sjeverozapadne Hrvatske. – 1980. – Бр. 3. – С. 73–82.
- Костић П.** Годишњи обичаји у српским селима румунског Ђердапа // Зборник радова. – 1971. – Бр. 4–8. – С. 73–87.
- Kus-Nikolaјev M.** O podriјeklu licitarskog srca // Starohrvatska prosvjeta. – 1928. – Vol. II, N 1/2. – С. 135–140.
- Марјановић В.** Лицитарство. Кад се жртвују медањаци // Стари занати у Србији. – Београд: Етнографски музеј, 2009. – С. 73–77.
- Marković S.** Srbija ima – licidersko srce! // Treće oko. – 2011. – Бр. 556. – URL: <http://www.treceoko.novosti.rs/code/navigate.php?Id=182&editionId=77&articleId=385> (дата обраћања: 27.02.2020).
- Менковић М.** Један век сакупљања и истраживања традиционалног костима Косова и Метохије у Етнографском музеју у Београду // Гласник Етнографског музеја. – Београд, 2002. – Књ. 65/66. – С. 163–189.
- Nesnovna dediščina** // URL: <https://www.gov.si teme/nesnovna-dediscina/#e41268> (дата обраћања: 27.02.2020).
- Нишкановић В.** Ношње из српске колекције Руског етнографског у Санкт-Петербургу // Колекција јесен / зима 1867. – Београд: Етнографски музеј у Београду, 2005. – С. 66–83.
- Радуловачки Ј.** Заоставштина митровачког воскара и лицидера Панте Репарића дарована музеју Срема // Гласник етнографског музеја. – 2005. – Бр. 67/68. – С. 311–324.
- Стари занати** у Републици Србији // URL: <http://starizanati.gov.rs/zanati/licitarstvo/> (дата обраћања: 27.02.2020).
- Трајковић И.** Лицидерски занат у Нишу // Зборник. Народни музеј Ниш. – 2012. – N 12. – С. 23–32.
- Улмер Г.** Занатство у Суботици 1686–1779. – Суботица: Историјски архив, 1995. – 198 с.
- Šarić D.** Zaštićena nematerijalna kulturna baština Hrvatskog zagođa // Kaj: časopis za književnost, umjetnost i kulturu. – 2013. – Vol. 46 (224). – N 1/2 (320–321). – С. 109–126.
- Scheybalová J.** Pernikarstvi // Pernikářství. Muzejní a vlastivědná práce. – 1974. – N 12. – С. 146–172.
- Шутић Р.** Јован Баћанов (Параге. Бачка Паланка) // Изворник. – 2008. – N 4. – С. 181–197.

*Материал поступил в редколлекцию 02.03.20 г.,
в окончательном варианте – 02.06.21 г.*